

2207

„ВОТ ЗДЕСЬ Я ЖИЛ, ЗДЕСЬ ПЕСНИ ПЕЛ...“

Большой мастер советской поэзии Владимир Луговской не раз говорил, что в Крыму им «каждый стебелек обласкан», что крымская величавая и светлая земля — колыбель его возвышенной, задушевной лирики. Поэт в одном из стихотворений восклицает: «Вот здесь я жил, здесь песни пел, здесь родина моя!»

Крымская тема — одна из ведущих в творческом наследии поэта, и К. Паустовский не без основания утверждал, что Крым — одна из «поэтических вотчин» Луговского.

Начало освоения крымской темы у поэта относится к тому времени, когда он только выходил на литературную дорогу. И первое стихотворение, навеянное крымскими впечатлениями, посвящено Севастополю, где поэт побывал в 1923 году, совершая путешествие вдоль крымского побережья — от города «ста дней обороны» до Керчи. Молодой Луговской радостно впитывал в себя романтические пейзажи и синеву морских просторов, его воображение покоряли «исполинская южная ночь» и цветущие маки на холмах, развалины древних крепостей и фантастические нагромождения скал. Все это нашло отражение в ряде стихов, вошедших в первый поэтический сборник Луговского «Сполохи» (1926). Примечательно стихотворение поэта тех лет «Меж двух морей шла свежая луна», в котором запечатлена трудовая Керчь.

Социальный аспект освоения крымской темы особенно заметен в стихах Луговского 1925 года, когда он второй раз побывал в «полуденной Тавриде». В это лето поэт много и плодотворно работал, даже на пляже не расставался с тетрадкой, заносил туда пришедшие строки. Он любил наблюдать на взморье драматические состояния в природе — грозы, штормы, сполохи молний... Это настраивало на поэтические ассоциации, помогало образному восприятию окружающего мира. В одном из стихотворений поэт описывает грозу в Ялте, когда город был «до последних потрохов пробит тревогой». Борение стихий находим и в стихотворении «Шторм». Оно примечательно тем, что здесь наряду с реалистичностью картины, ярким колоритом и удачными поэтическими находками ощутимо смещение молодого поэта перед сложностью жизни, проскальзывает какая-то неосознанная тревога. Стихотворение заканчивается сотованием поэта, что он «нести устал весь этот мир закрытый и старинный».

Эти строки как бы переключаются со стихотворением Луговского «Прощание с юностью», тоже написанном в Ялте годом позже. Только в «Прощании с юностью» и намек нет на меланхолию и на непонимание «закрытого мира». Поэт говорит:

Прощай, моя юность!
Ты ныла во мне
Безвыходно и нетерпеливо...

«Прощай» потому, что поэт перешагнул какую-то невидимую черту, обрел зрелость. Широкий мир открылся перед его восторженным взором. «И жизнь велика», — восклицает он, обе-

Крымские страницы В. А. Луговского

щая как можно полнее вобрать в себя ее краски и ритмы, чтобы «ошалело писать».

К 1927 году относятся его первые стихи на тему гражданской войны в Крыму. Не будучи сам участником боев, поэт и раньше писал о фронтах, атаках, теплушках. Но в его стихах еще отсутствовало ясное понимание военных событий, сказывалась «закрытость мира», приводившая к нечеткому изображению борющихся сил. Перелом наметился лишь в стихотворении «Перекоп» («Такая была ночь, что ни ветер гулевой...») В нем запечатлена волнующая штурмовая ночь, когда завершалась грандиозная битва за Крым.

Перекопско-сивашская эпопея проходит через все творчество Луговского. Тут следует заметить, что в крымских публикациях, в частности, в книжке А. Никаноркина «Крымские этюды», утверждается, что 19-летний Луговской в рядах Первой курсантской бригады дрался за Перекоп. Это неверно. Луговской в то время был курсантом Военно-педагогического института, и на фронт не выезжал. Но, как и все советские поэты его поколения, он отдал большую дань теме гражданской войны. У Луговского есть стихотворение «Игорь». Прообразом его героя послужил И. Э. Груберт — большой друг поэта, который в составе инженерных войск, входивших в Первую курсантскую бригаду, принимал участие в перекопских боях. Когда бригада ворвалась в Крым, Игорь свалился в тифу. Поэт описывает момент, когда «Игорь, друг дорогой, возвратился вчера с Перекопа, он бормочет в тифу на большой материнской кровати». И. Э. Груберт многое рассказывал Луговскому о гражданской войне в Крыму, и эти рассказы, несомненно, наложили отпечаток на все стихи поэта этого цикла. Само собой разумеется, что Луговской знал и других участников перекопского штурма, встречался с ними, с жадностью слушал их рассказы.

К двадцатым годам относятся первые стихи Луговского о курортном Крыме, который он называл краем вечной молодости, солнечной радости и здоровья. Лучшее из стихотворений этой тематики — «Санаторная ночь» — поэт написал в 1926 году во время своего третьего пешего похода.

После стихов тридцатого года Луговской некоторое время ничего не писал о Крыме, хотя бывал здесь часто. Шел как бы процесс накопления материала. Лишь в 1937 году он опубликовал два стихотворения — «Весна» и «Кухарка Даша», написанные в военном санатории, вблизи Ласточкина гнезда.

Особенно плодотворным был приезд Луговского в Крым в 1939 году. Поэт поехал сперва в Севастополь, а потом жил в Ялтинском доме творчества и написал около полсотни десятков стихов на крымские темы. Его как будто прорвало, и томившиеся многолетние чувства вылились в строки. Это главным образом лирика, причем лирика высокой пробы. Поэт

воспевает радостные и светлые чувства любви, слитности лирического «я» с природой, с кипучим биением жизни. Таковы его стихи «Предутренний час», «Сименз», «Кленовый лист», «Пила», «Мальчики играют на горе» и другие.

Очень высоко ценил Луговской свое крымское стихотворение «Остролистник». Он считал его чем-то вроде символа веры и твердости духа, своим поэтическим знаменем, под которым можно было идти по жизни, не боясь ни трудностей, ни суровых испытаний.

Я зимой полюбил это
крепкое племя,
Что сдружилось с ветрами
на пасмурных кручах.
Ты весну открываешь
в суровое время,
Жизнестойкий, тугой
остролистник колючий.

Война оборвала творческие связи Луговского с Крымом. Снова он приезжает сюда лишь в 1949 году. В Симферополе поэт встречается с крымскими литераторами, выступает перед войнами Таврического военного округа. Но его манит возрождающийся Севастополь. Его интересовала жизнь молодых строителей. Он побывал на заседании горкома комсомола, когда там шел прием. Посетил общежитие девушек-строителей, о чем рассказано в стихотворении «Одиннадцать девушек». Вслушивался в ритм «геройского города», где каждый камень «звучит человеческой речью». В стихотворении «Графская пристань» поэт говорит о славе боевых традиций, унаследованных Черноморским флотом, о том, что в Севастополе на каждом шагу «битвы прошлые в глаза живых глядят».

Луговской с юношеских лет любил археологию, остро чувствовал потрясения, пережитые народами прошлых эпох. Поэтому не случаен его интерес к Херсонесу, к развалинам Чуфут-Кале вблизи Бахчисарая, к седой главе Генуэзской крепости над Балаклавой. В 1950 году поэт посетил раскопки древнего города Неаполя-Скифского на окраинах Симферополя. И здесь к нему пришли возвышенные строки стихотворения «Могила Скиллы» («Здесь родина моя», цитированного в начале статьи).

Чувством историзма пронизаны стихи Луговского «В галерее Айвазовского» и «Юбилей капитана», написанные в 1953 году, когда поэт вместе с писателем Е. Поповкиным совершил поездку в Феодосию и Судак. Осмотр знаменитой галереи вызвал в сердце поэта восторг и преклонение перед творческим подвигом художника И. К. Айвазовского, который почти всю жизнь прожил у моря, где «пахнул рыбою феодосийский юг», и который отдал весь пыл своей души прославлению героических дел отечественного флота. Тема исторической ответственности поколений звучит в стихотворении «Юбилей капитана». Реальным прототипом героя послужил коренной севастополец, капитан первого ранга в отставке В. А. Винников — автор книги «Детство моряка», который после ухода из Черноморского флота по-

селился в Судак и стал «начальником здешнего порта».

В послевоенное время Луговской бывал в Крыму почти каждый год и посетил почти все крымские города и крупные поселки. Но больше всего он любил Ялту. Здесь рождались лучшие строки его лирики, здесь она обрела философскую раздумчивость и какую-то возвышенность поэтического тона. Перечитайте стихи Луговского «Белая вишня», «Вечер», «Та, которую я знаю», «Ночь весны» и другие. Они пронизаны торжественностью эмоционального чувства, зовут в край вечной юности и молодости мира.

Необычайного расцвета достигло творчество Луговского в последние четыре года его жизни. К поэту как бы пришла вторая молодость. В этот период выходят лучшие его лирические сборники «Солнцеворот», «Синяя весна», книга поэм «Середина века» — венец творческого подвига художника. Многие в этих книгах навеяно крымскими впечатлениями и раздумьями. Особенно примечательны в этом отношении две поэмы Луговского — «Эфемера» и «Юность», целиком написанные под влиянием крымских ассоциаций и воспоминаний. Поэмы эти, как и вся книга «Середина века», создавались, по свидетельству поэта, «с мукой, с горячностью, с душевным раздумьем о судьбах времени, о судьбах моей страны, о судьбах революции». Луговской говорил, что его книга поэм «представляет собой «автобиографию века», которая была пережита в душе рядового участника великих событий столетия». Знаменательно, что заканчивается она «крымской» поэмой «Юность», в которой могучим аккордом звучит тема вечной молодости жизни, утверждение того, что человек рожден для счастья, для творческого созидания и мира.

Несмотря на огромную занятость поэтической работой, Луговской в мае 1957 года в последний раз приехал в Крым, приехал тяжело больным человеком. Он совершил путешествие в Асканию-Нову, побывал на Перекопе и у пустынных берегов Сиваша, объехал Южный берег, как бы прощаясь с любимыми местами. А 28 мая в ялтинской гостинице «Южная» слег с тяжелым инфарктом, до последнего часа не выпуская пера из рук. В ночь с 4 на 5 июня он еще писал, оставив несколько лирических набросков, а 5 июня 1957 года его не стало. По желанию поэта, его сердце замуровано в скале вблизи Дома творчества писателей, того дома, где крымскими веснами к нему приходили лучшие строки лирики, где билось трепетное сердце его беспокойной музы.

На скале установлен чеканный барельеф Луговского. Стоя у этой памятной скалы, невольно вспоминаешь слова поэта, обращенные к потомкам:

Да, весь я твой, живое
время, весь
До глуби сердца, до
предсмертной мысли.

П. ДЕГТЯРЕВ,
писатель.